

КАЖДЫЙ ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН БЫТЬ МИССИОНЕРОМ

Интервью митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия

«Кифа»: Владыка, Вы много говорите о необходимости более полного вхождения верующих людей в церковную жизнь. Мы сами видели, когда были на службе в кафедральном соборе, как Вы вдохновляете всех на общее пение. Какие Вы видите пути возрождения церковной жизни — не только храмов, но именно общей жизни церковного народа, и клира и мирян?

Митрополит Сергий: Вы сами знаете, что христианин должен свою жизнь устроить так, чтобы Евангелие наполняло ее. Это не должен быть какой-то идеал, с которым время от времени можно сверяться и жить самостоятельной жизнью, это должно быть нормой жизни, и если для человека это будет нормой, внутренней потребностью, я думаю, что это и будет краткий ответ на ваш вопрос.

А так, конечно, я бы сказал (для нас, может быть, это немного странно звучит, потому что мы очень секуляризованы — не только в России, Европа гораздо более секуляризована, и Северная Америка, да и Южная Америка тоже), так вот, я бы сказал непопулярную вещь — что от человека действительно требуется, чтобы он жил по Евангелию, чтобы жизнь была наполнена его смыслом, чтобы человек чувствовал себя сопричастным Богу. Светским языком это можно сказать проще: нужно, чтобы человек создал добро и любовь. И добро, и любовь — это имена Божьи, поэтому в нашем православном понимании это одно — верить Богу, или жить по Евангелию, или жить, творя любовь и добро. Поэтому не надо никогда разделять общественную жизнь, государственную жизнь и частную жизнь. Так, если бы люди, которые занимаются бы законотворчеством, исповедовали этот принцип любви в отношении к человеку, я думаю, очень многое изменилось бы в нашей жизни. И, естественно, наша задача сейчас — это задача миссионерская. Как это ни странно звучит в XXI веке, но это так. И мы должны ненавязчиво показать людям, что в принципе ни приобретение богатства, ни занятие экономикой, политикой и чем-то еще, что увлекает человека — я не говорю уже о греховных занятиях — не может дать человеку полного удовлетворения, потому что нет пищи душе, нет пищи сердцу, ее даст только вера, благодать Святого Духа, которую человек получает, совершая молитву, общаясь в таинствах и занимаясь добрыми делами. Поэтому я призвал бы наше общество очень и трезво и взвешенно относиться к тем процессам, которые в нем происходят. Я бы призвал всех все-таки задуматься над вечными вопросами, подумать, куда все идет: или к опустошению души человека и, как результат — его гибели до физиологического окончания его жизни, или к тому, что человек становится творцом, созидателем, у него появляется энергия, которую он передает другим людям. Поэтому вера очень важна нам для осуществления всех этих дел, и нам нужно, наверное, быть со всеми людьми. Может быть, это наивно, смешно звучит, но все мы призваны к святости, поэтому мы должны в первую очередь спрашивать с себя и своим примером зажигать других людей.

«Кифа»: Вы сказали о необходимости в первую очередь православной миссии в современном секулярном мире. Сейчас обсуждается миссионерская концепция Русской православной церкви. Какие Вы видите перспективы ее воплощения в церковной жизни и были ли какие-то отклики на нее в вашей епархии?

Митрополит Сергий: Да, вы знаете, отклики у нас были, мы направляли ее священникам. Но мне как архиерею Русской православной церкви очевидно, что какие бы концепции мы ни составляли — миссионерскую концепцию, социальную концепцию — это то, чем живет церковь внутри. Концепция — это только декларация перед миром, что мы этим занимаемся. Это изложение на доступном языке того, что присуще церкви. Ничего нового не ставит ни миссионерская концепция, ни социальная концепция. Она сказала

Митрополит Сергий благословляет паломников, членов Воскресенского братства

современным языком о простых, элементарных вещах, которые есть в церкви, больше ничего.

«Кифа»: Но ведь эти вещи не всегда воплощаются в полноте в реальной церковной жизни?

Митрополит Сергий: В полноте их и невозможно воплотить. У нас есть таинство покаяния — не обряд, а таинство, потому что если бы человек не был склонен ко греху, тогда бы и таинство покаяния не нужно было бы, просто отсекали бы болящие члены, и все: «Вот ты заблуждаешься, пожайлуйста, отходи в сторону, нет тебе в святом обществе места». А Господь еще в Библии сказал, что помышления греховные у человека «от юности его», и поэтому Господь дает нам покаяние. И это покаяние является примером того, что ничего нет совершенного в жизни и в том числе в церковной жизни. Что такое церковная жизнь? Это же люди, живые люди, живой организм. Это институт в том числе и человеческий, и в нем тоже кипят страсти, и там тоже идет борьба между добром и злом. И поэтому создать что-то универсальное, абсолютное мы не сможем. Концепция и называется концепцией: в идеале она хорошая и замечательная, нужно стремиться ее исполнить. Она нужна и для того, чтобы человек ее прочитал и лишний раз задумался над жизнью, чтобы он наконец-то понял, если он еще не понимает, что от него требуется то-то и то-то. Вот в этом, я бы сказал, и состоит ценность этих деклараций церковных.

Миссия во Христе не означает, что мы будем преподавать Закон Божий всем: и тем, кто хочет, и тем, кто не хочет его изучать. Это абсолютная ошибка. Нужно ждать такого

(Продолжение на с. 2)

12 (50)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ИЮЛЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В номере:

“Православию в Израиле быть!”

Разгром храма в Мигдаль а-Эмеке заставил верующих всерьез задуматься о создании общины с.2

Сегодня мы анонсируем некоторые из тем круглых столов международной конференции «Свобода — дар Духа и призвание в церкви и обществе» (Москва, 16 -18 августа 2006 г.):

- Эсхатологическое свидетельство Церкви
- Миссия как явление свободы
- Путь покаяния
- Свобода и достоинство человека с.4-5

Почему я против идеи “национальной идеи”?

Выступление О.А. Седаковой на Шестых Максимовских чтениях с.6-7

Путешествие на Соловки

Члены Свято-Петровского братства размышляют о том, что увидели и услышали во время своего паломничества по святым местам русского Севера с.8

В «Миссионерском обозрении»

- рассказ о защите диссертаций, вносящих важнейший вклад в теорию и практику миссии.

КАЖДЫЙ ХРИСТИАНИН ДОЛЖЕН БЫТЬ МИССИОНЕРОМ

Интервью митрополита
Воронежского и
Борисоглебского Сергия

(Продолжение. Начало на с. 1)

состояния общества, маленьких людей, чтобы эта информация была востребована. Чтобы они почувствовали, что это их жизнь. Иначе, когда есть какое-то насилие, происходит отторжение человека от этих святых истин. Поэтому и в школах вводится преподавание не Закона Божьего, а православной культуры. Это совсем другое дело, которое, повышая образовательный уровень человека, знакомит его с православием. Если человек заинтересуется, он может идти в ту замечательную глубину, которая преображает человека... И миссия должна быть, конечно, внутри человека, каждый человек должен быть миссионером. Ведь, действительно, если он обладает истиной, он склонен к тому, чтобы ею поделиться. Истина не может замыкаться в человеке внутри, но главное — понимать все это правильно, потому что сейчас очень много лжемиSSIONЕРОВ, которые стараются расколоть церковь, расколоть ее единство. Я вижу в этом целенаправленные действия. Допустим, заострение на абсолютном второстепенных вопросах типа ИНН, или того, что мир подходит к логическому концу — и все этого страшно бояться. Конечно, по-человечески это страшно, а в принципе... Я иногда в шутку говорю, что мы веруем в Христа Воскресшего, так чего мы боимся второго пришествия Христа? И почему мы еще больше боимся пришествия Антихриста? Чего мы больше ждем — пришествия Антихриста или пришествия Христа? Если мы верующие люди, вера у нас очень глубокая, живая и творческая, тогда, естественно, все, что происходит, нужно спокойно, по-евангельски понимать: «сему надлежит быть». Ты знаешь, что это должно быть, ты этого не боишься и не пугаешься. Никто у тебя веру твою не похитит, никто тебя автоматически не превратит в адепта Антихриста, на это нужно свободное согласие человека. И если все это понимать, то эти вещи отступают на второй план.

Мне кажется, что нам, православным христианам, нужно как раз выработать хороший здоровый вкус к жизни. И это будет самая большая миссия православия, которая ненавязчиво даст не только нашим россиянам, но и вообще людям, живущим в мире, увидеть его красоту. Я бы сказал, что это единственная безальтернативная возможность, чтобы человечество жило счастливо и не боялось конца мира.

«Кифа»: Владика, ближайшая конференция Свято-Филаретовского института будет посвящена миссии. Что в этой теме Вы считаете проблемным, о чем бы стоило поговорить?

Митрополит Сергий: Я думаю, что самое главное то, что практически у нас произошла секуляризация общества, и общество не понимает глубины православия, красоты православия. Нам нужно как-то не упрощать православие, но суметь сказать, что это такое богатство, ради которого стоит потрудиться.

Беседовали Маргарита ШИЛКИНА
и Александра КОЛЫМАГИНА

“ПРАВОСЛАВИЮ В ИЗРАИЛЕ БЫТЬ!”

Разгром храма в Мигдаль а-Эмеке заставил верующих всерьез задуматься о создании общины

Фото прихожан церкви в Мигдаль а-Эмеке

Эта церковь, построенная на территории арабской деревни, функционировала до 1948 г.

В начале июня вандалы нарушили покой православного храма, расположенного в Мигдаль а-Эмеке (Галилея). Прихожане полагают, что нападение было совершено в ночь со среды на четверг (в ночь на 8 июня), когда никого в храме не было.

Богослужения в православном храме Мигдаль а-Эмеке проходят по утрам — в пятницу и субботу, и в праздники. В остальное время церковь стоит закрытая. Пока постоянной охраны нет, поскольку не построено жилое помещение для сторожа. Недавно муниципалитет дал разрешение на строительство забора вокруг церкви и проведение в храм электричества. Предполагалось, что вскоре к церкви будут регулярно подвозить питьевую воду.

8 июня один из прихожан, придя в церковь, увидел, что храм разгромлен: выбиты все стекла, со стен сбиты многие иконы, опрокинут бак с водой, осквернена могила двух священников — основателей этой церкви отца Халиля Хури и его сына, построивших храм в 1894-м году. Тогда, в конце XIX века, часть средств на строительство дал Великий князь Сергей Александрович во время своего приезда на Святую Землю в 1888-м году.

Эта церковь, построенная на территории арабской деревни, функционировала до 1948-го года. После войны за независимость деревня исчезла с карты. Церковь сохранилась, но она была опустошена и осквернена. В 1953-м году на месте разрушенной арабской деревни израильтяне построили город Мигдаль а-Эмек. В конце 90-х годов отец Роман Радван, арабский православный священник, решил восстановить церковь в Мигдаль а-Эмеке, чтобы она существовала в качестве прихода для русскоязычных православных христиан. Он сумел найти деньги, и после восстановления — примерно полтора года назад — богослужения возобновились.

О. Роман — правнук знаменитого арабского просветителя Александра Джабраила Казмы, многолетнего ректора православной учительской семинарии в Назарете. Выдающийся педагог Александр Казма получил образование в России. Многие из книг, переведенных им с русского языка на арабский до сих пор используются в богослужебном обиходе. Сам отец Роман учился в Джорданвиле в Троицком монастыре в семинарии Русской Зарубежной Церкви.

В Мигдаль а-Эмеке свыше двух лет существует большой православный приход, который объединяет, в основном, русскоязычных христиан — граждан Израиля. Именно они являются основными прихожанами этого храма.

Как рассказывает Николай Кулинский, помощник отца Романа, когда начались восстановительные работы в церкви, возникли проблемы с группой представителей местной еврейской религиозной общины, возглавляемой раввином Гроссманом. «С их стороны были попытки помешать реставрации и разгромить церковь», — говорит он. — Тем не менее, около двух лет назад реставрационные работы были завершены, церковь освятили, и приход начал действовать. Попытки мешать православ-

ным службам продолжались, и отец Роман пошел к мэру города и сумел добиться прекращения конфликта. Около года было более или менее спокойно. О былых проблемах напоминали только вмятины на двери, оставшиеся от камней, которые харедим бросали во время реставрации».

Вот что говорит обо всем этом отец Роман:

— Самое главное, буквально в первых строках: мы молимся за тех, кто это сделал. Господи, прости им, ибо не ведают, что творят! Мы ведь и раньше старались потерпеть, уладить дело миром, в полицию не обращались. Мы пытались объяснить им, что это храм Божий, и мы должны любить и уважать друг друга. Нам говорили: «Вам нельзя тут быть, это место — для евреев».

Несмотря на угрозы, мы не обращались до сих пор в полицию. Даже когда один раз они сломали несколько икон в храме и подожгли матрас и одежду сторожа, мы не пошли в полицию. Тогда начался шум, и все на какое-то время стихло. Тепер снова. Мне очень больно. Меня поражает ничем не прикрытый уровень общественного неприятия христиан в нашей стране. Недавно меня вместе с помощником аресто-

меньше. Православие в Израиле удушается и мусульманским натиском, и политикой израильских властей, потворствующих в этом и своим ортодоксам и, как ни странно, мусульманам. В русских мы увидели дар Божий, свежую кровь, новое поколение христиан святой Земли. Нам очень нужна ваша помощь. Посмотрите — «Жатвы много, а делателей мало». На десятки тысяч человек (понятно, что все они воцерковлены в разной степени) у нас всего 7-8 священников (есть еще, конечно, священники миссий РПЦ и РПЦЗ, но они больше заняты паломниками) и несколько храмов. Нужно строить и восстанавливать старые церкви, создавать новые приходы, готовить священников из русских. Заняться христианским воспитанием наших детей, иначе следующего поколения православных здесь не будет. Заняться духовным образованием наших верующих. Пропадают, моют полы и метут улицы уникальные кадры преподавателей. Раньше у православных здесь был защитник — Россия, русские. Императорское Православное Палестинское общество. Знаете, сколько нашей интеллигенции получило образование в школах этого общества! Их дети и внуки до сих пор поминуют Россию

Гора Фавор

вали в городе Беэр Шева, когда я появился там, в подраяснике, чтобы причастить смертельно больную женщину. Увидев это, ортодоксы тут же вызвали полицию, и она задержала нас, граждан Израиля, на четыре часа в участке. Никто перед нами не извинился. Печально, что иной раз, кажется, что христианский мир забыл о нас, православных, живущих на Святой Земле. Для всех существуют только паломники. А ведь здесь живут около 50 тысяч православных арабов, и сейчас приехало несколько десятков тысяч наших братьев из России. Только по данным МВД при въезде в страну записалось христианами свыше 27 тысяч человек. А сколько еще бояться об этом открыто сказать. Ведь человек, въехавший по закону о возвращении как еврей, может быть депортирован. Если выяснится, что он христианин. Или начнутся проблемы с работой. Можно, конечно, найти обходной путь — скрывать свою веру или заявить, что через три года крестился здесь. Но не всем совесть позволяет лгать в вопросах веры. Прямо сейчас наша община знает случай, когда пожилого человека, еврея, который не стал отречься от Христа, собираются выгнать из страны.

То, что произошло, стало для нас поворотной, промыслительной точкой. Мы и раньше задумывались о создании православной всеизраильской общины. Мы — это наши русские и арабские братья. Нас ведь становится все меньше и

добром. Почему бы сейчас не восстановить работу Назаретской семинарии, знаменитой прежде на весь Ближний Восток? С вашей помощью мы можем это сделать. Нам необходимо объединяться для братского общения, для самозащиты, наконец. Для решения самых насущных человеческих проблем, на что мы имеем право даже по существующим законам. Например, проблема христианских кладбищ. Вы понимаете боль людей, знающих, что их похоронят на отдельном участке еврейского кладбища, где нельзя даже поставить крест на могиле. В арабских христианских деревнях кладбища есть, но мест уже не хватает. Русских в большинстве хоронят за забором. Поймите, мы не собираемся никому противостоять. Не просим, упаси Бог, никого за нас мстить. Мы просто говорим всем — Православию в Израиле быть! Мы здесь уже 200 лет. Знали периоды страшных гонений. Знаем, что они могут повториться. Но с Божией помощью мы пребудем здесь до конца времен и после. А нашим братьям по вере в Ветхий завет можем сказать только одно: Мир вам. Помните, что заповедь: «Не делай ближнему своему того, что ты бы не хотел, чтоб сделали тебе» — не только евангельская. Она и талмудическая. Так вас учил закону ваш великий законоучитель рав Гилель».

Материал подготовлен
Олегом УСЕНКОВЫМ (Тель-Авив)

ОБЪЕДИНЕНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРОВЕЛО СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

Семинар, посвященный Божественной литургии, проходил с 16 по 18 июня 2006 года в доме межцерковного общения Кинония. Организатором выступило Объединение молодежи Белорусской православной церкви. Участие в семинаре приняли более семидесяти молодых людей, представителей братств из разных епархий Белорусской православной церкви.

В первый вечер почти всех участников собрал вокруг себя о. Георгий Антониу, настоятель храма иконы Божией Матери Полоуриотисса в городе Никосия (Кипр).

Второй день семинара начался с мо-

лебна, который возглавил протоиерей Георгий Латушко, настоятель Петропавловского собора Минска.

Затем состоялась вводная беседа о литургии, на которой протоиерей Георгий Латушко рассказал о Евхаристии как таинстве Церкви, протодиакон Максим Логвинов, клирик Петропавловского собора — о литургии как чине и о подготовке к литургии рассказал протопресвитер Георгий Антониу. После вводной беседы работа семинара проходила в трех секциях. День завершился Всенощным бдением и ночной Божественной литургией, за которой почти все участники семинара приступили к таинству

Евхаристии. По завершении литургии состоялась общая трапеза в непринужденной, дружественной обстановке.

В третий день работы семинара состоялось общее собрание, на котором были подведены итоги работы семинара и высказаны пожелания и слова благодарности. Было решено, что тема «Божественная литургия» очень глубокая, и что в дальнейшем необходимо проводить подобные семинары на эту тему. Следующий семинар запланировано провести 14 сентября 2006 года под общей темой «Молитва о дне творения».

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СФИ ВПЕРВЫЕ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ВЫШЕЛ ТРУД ХРИСТОСА ЯННАРАСА «ИСТИНА И ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ»

Выдающийся современный православный мыслитель и богослов Христос Яннарас является профессором философии в Афинском Институте политических наук и международных исследований, а также автором более 60 сочинений.

Книга «Истина и единство Церкви» — это его размышления о положении православной церкви в мире в XX веке. Автор обращается к истокам библейского и святоотеческого

богословия и представляет оригинальную разработку православного видения истины о человеке и о Церкви.

Проф. Яннарас стремится восстановить связь богословия с церковным опытом и благочестием, напоминая читателю о том, что в основе церковного единства лежит личностное общение по образу Святой Троицы. Показывая, что Церковь всегда действует в истории как ответ на конечные вопросы бытия всякого человека, автор книги заставляет вспомнить, почему христианское учение не может быть рассматриваемо просто как эффективный путь достижения социальных целей и чем действительно отли-

чается жизнь христианина от жизни неверующего.

Многие суждения Х. Яннараса о конкретных исторических событиях могут показаться далеко не бесспорными — в том числе его оценка развития русской церковной традиции. Однако не эти оценки определяют содержание данной книги, в которой мы встречаемся с острой постановкой серьезных и актуальных вопросов. Эти вопросы нередко находятся вне поля зрения российского церковного читателя, но они чрезвычайно важны для сегодняшней жизни Церкви.

Книга издана при поддержке организации «Акция солидарности Реновабис».

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СФИ ВЫШЛА КНИГА ИЗВЕСТНОГО ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВА ИОАННА ЗИЗИУЛАСА «БЫТИЕ КАК ОБЩЕНИЕ»

Книга митр. Иоанна (Зизиуласса) «Бытие как общение», впервые опубликованная по-английски в 1985 г., приобрела широкую известность во всем мире среди христиан различных деноминаций. Она представляет православную разработку учения о человеке и

полноте человечности, которая достигается через личностность, и учения о Церкви, призванной жить в общении по образу троической жизни Бога.

Автор рассматривает Местные (По-местные) Церкви как «кафолические» в подлинном смысле этого слова, и говорит о том, что универсальную Церковь нужно воспринимать не как иерархическую структуру, но как общение всех Церквей, тем самым задавая направление развития экклезиологии в будущем.

Прот. Иоанн Мейендорф в предисловии к английскому изданию 1985 г. книги «Бытие как общение» пишет: «Я думаю, что настоящий труд Иоанна Зизиуласса важен <...> тем, что блестяще показывает, как обесмысливается православное учение о человеке и Церкви при любой попытке искусственно поделить его между строго изолированными разделами богословия: теологией, антропологи-

ей, экклезиологией. Только в целостном единстве всех своих сторон оно может стать подлинным выражением «ума Христова», о котором писал ап. Павел, «истинного гнозиса», который отстаивал св. Ириней, и, наконец, накопленного отцами последующих веков опыта реального богопознания».

На русский язык книга впервые переведена в полном объеме. Предназначена для богословов, философов, преподавателей и студентов богословских и светских вузов, а также для всех, кто интересуется экклезиологией и личностной антропологией.

Книга издана при поддержке организации «Акция солидарности Реновабис».

СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ С ГУБЕРНАТОРОМ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ М.А. МЕНЕМ

20 июня в Патриаршей резиденции в Чистом переулке Предстоятель Русской Церкви принял губернатора Ивановской области М.А. Меня.

В ходе встречи обсуждались различные вопросы церковно-государственных отношений и партнерства между Иваново-Вознесенской епархией и Ивановской областью. В частности, М.А. Мень попросил патриаршего благословения на сооружение памятника жертвам первого открытого расстрела священнослужителей и православных верующих, вставших на защиту Русской Церкви, который произошёл в г. Шуя Ивановской области в 1922 году. Патриарх благословил начать конкурс проектов будущего памятника.

ПАПА РИМСКИЙ НЕ БЫЛ НА РЕЛИГИОЗНОМ САММИТЕ В МОСКВЕ, НО КОНТАКТЫ С ВАТИКАНОМ АКТИВИЗИРУЮТСЯ

Папа Римский Бенедикт XVI и Далай-лама не приехали в Москву на состоявшийся 3-5 июля Всемирный саммит религиозных лидеров.

«Визит папы в Россию — это историческое событие, и методологически неправильно было бы смешивать его с другим историческим событием, каковым является форум», — заявил в связи с этим на пресс-конференции в Москве председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калинин-градский Кирилл.

В то же время он подчеркнул, что контакты между Русской православной церковью и Ватиканом «в последнее время активизировались именно в связи с осознанием важности проблем, которые будут обсуждаться на саммите».

«Мы благодарны, что Бенедикт XVI очень позитивно отнесся к саммиту», — заявил митрополит Кирилл. По его словам, свидетельством такого отношения является в том числе и направление папой на саммит «такой представительной делегации» со стороны Римско-католической церкви.

Заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерей Всеволод Чаплин в ходе пресс-конференции также сообщил, что в саммите не принимает участия духовный лидер буддистов Далай-лама, в силу отсутствия уверенности в том, что «на приглашение этого лидера последует позитивная реакция».

Кроме того, по словам о. Всеволода, на саммит не позвали представителей новых религиозных движений, таких, как «Свидетели Иеговы» или «Церковь объединения» Муна, поскольку «большинство представителей традиционных религий отказываются садиться за один стол с такими экзотическими религиозными движениями».

В ЕГИПТЕ НАЙДЕН УНИКАЛЬНЫЙ МАНУСКРИПТ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ — КНИГА ИСАИИ НА КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ

По словам археологов, им впервые удалось отыскать полный вариант перевода. Последний раз целый коптский манускрипт в столь хорошей сохранности находили более 50 лет назад.

Польские археологи, работавшие в городе Гурна (Шейх-абд-эль-Гурна) неподалеку от Луксора (Египет), расшифровали уникальные манускрипты, один из которых содержит полный текст книги Исаии, переведенный на коптский язык. В идентификации текстов приняли участие итальянские ученые, подтвердившие уникальность находки, сообщает Science & Scholarship in Poland.

Манускрипты удалось найти ещё в феврале 2005 года в заброшенном подсобном помещении древнего монастырского скита. Их обнаружили участники экспедиции Центра Средиземноморской археологии Варшавского университета, работавшей в Гурне под руководством Томаша Горецки.

Находка состояла из двух книг в кожаных переплетах, написанных на папирусе, и переплетенных 50 листов пергамента, хранившихся между двумя

перевязанными дощечками, служившими «обложкой».

Рукописи были богато орнаментированы. Сразу же стало ясно, что речь идет об уникальной находке — целых коптских манускриптов, да ещё и столь хорошей сохранности, в Египте не находили с 1952 года (отдельные листы попадаются регулярно).

Однако нужно еще было понять, какие тексты содержат найденные манускрипты. За помощью обратились к итальянским исследователям из Римского университета. Изучение текстов заняло около года.

Специалист по коптскому языку Тито Орланди, исследовав тексты, пришел к выводу, что 50 пергаментных страниц содержат перевод на коптский язык книги пророка Исаии, одного из центральных ветхозаветных текстов.

Как сообщает профессор Эва Випшика-Браво из Института археологии при Варшавском университете, «это первый найденный полный перевод этой книги на коптский». Итальянские исследователи склонны датировать рукопись

IX—X вв. н. э.

Деревянные дощечки, между которыми хранились пергаментные страницы, были подклеены внутри фрагментами древних текстов — в частности, из апокрифа «Страдания св. Петра». Что до двух книг в кожаных переплетах, то одна из них содержит уникальный полный текст на коптском «Кодекса Псевдо-Василия» (свод правил, регулирующих церковную жизнь), а вторая — житие св. Пиствентиуса, коптского епископа. Оба манускрипта датируются VII—VIII вв. н. э.

Анализ почерка показывает, что манускрипты происходят из разных скрипториев.

Находка польских археологов очень ценна как для исследования коптского языка и культуры египетских христиан, так и для истории переводов Библии в целом (если говорить о книге Исаии). Дальнейшее изучение манускриптов, очевидно, будет проводиться в Национальном музее Александрии, куда древние рукописи переданы на хранение.

Преображенское Содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, журнал «Вестник Русского Христианского движения»

проводят международную конференцию

СВОБОДА – ДАР ДУХА И ПРИЗВАНИЕ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ

МОСКВА, 16 – 18 АВГУСТА 2006 Г.

Нам хотелось бы, чтобы заявленная конференция прошла как максимально широкий, развернутый и предметный диалог о путях практического восстановления норм свободного и ответственного бытия.

В ходе конференции один из дней будет посвящен разным аспектам заявленной темы и пройдет в форме многочисленных семинаров и круглых столов, подготовку которых взяли на себя малые православные братства, входящие в Преображенское содружество. Сегодня мы анонсируем некоторые из запланированных тем. В следующем номере представление тем семинаров и круглых столов будет продолжено.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ

Прп. Сергей Радонежский.
Икона архим. Зинона (Теодора)

Круглый стол, за который отвечает **Свято-Сергиевское братство**, называется так: "Эсхатологическое свидетельство церкви в современном мире".

В чем суть этой темы? Почему мы ее выбрали?

Общество, как и церковь, находится в кризисном состоянии. Духовные мыслители и богословы всегда видели, что церковь и общество — это сообщающиеся сосуды. Потому что в действительности церковь никогда не живет для себя. Она — "за жизнь мира". Не то, что мы служим миру, — мы служим Богу, но мы хотим мир привести к Богу. Но привести мир к Богу можно только через эсхатологическое свидетельство миру. И вот, к сожалению, у церкви сегодня этого свидетельства почти нет, потому что церковь сегодня в очень большой степени — и мы это знаем по себе — чадо мира сего. Т.е. ценностное основание у церкви сегодня в огромной степени — от мира сего. Даже в церковный брак сейчас люди часто вступают, в общем, ради себя, и саму церковную жизнь ведут ради себя, и общины создают ради себя и т.п. Мы, христиане, сегодня живем в свое удовольствие, довольно удобно устроившись в мире сем. И таких христиан мир прекрасно принимает. Свидетельство Христово не принимает, а таких христиан не принимает. Нам очень важно поэтому понять, что миру можно что-то убедительно сказать, только не принадлежа миру сему, не будучи чадами мира сего. Т.е. если мы будем иметь эсхатологическую закваску, если мы будем эсхатологической закваской, солью земли, — только тогда мы сможем что-то подлинное сказать миру о Христе.

И поэтому эта тема одинаково важна и для общества, и для церкви. Для общества церковь — единственная надежда. Мы видим, что общество пытается бороться со своими пороками абсолютно безуспешно. Вот, например,

сейчас проблема терроризма, эскалации зла. И нет сил у общества что-либо с этим сделать! Общество очень страдает от зла, от насилия, от смерти. Общество жаждет свободы, общество жаждет воскресения, возрождения, но это невозможно сделать ни организационно, ни административно. Мы же не знаем, как помочь в этом обществу (а ведь все мы — члены этого общества), потому что наша эсхатологическая устремленность очень часто достаточно абстрактна. И что значит "не быть чадами мира сего", — мы понимаем плохо. И значит — мы плохо понимаем наше призвание, нашу харизму.

Это касается множества сторон нашей жизни. Например, мало кто понимает, почему христианский брак — это эсхатологическое свидетельство миру. Что любовь, победившая смерть, — это и есть эсхатологическое свидетельство миру.

Великий русский мыслитель Николай Федоров в конце XIX — начале XX века выдвинул программу, которая, по его мысли, могла бы объединить все общество, весь мир, все человечество. Он высказал мысль, что задача всех людей, всего общества — это воскрешение мертвых. Т.е. эсхатологическая позиция может быть только активной, только синергической. Это всегда борьба за приближение Царства и свидетельство миру о грядущем Царстве.

Мир от церкви всегда чего-то ждет: не хватает любви — дайте нам побольше любви, не хватает милосердия — дайте нам побольше милосердия, не хватает работников — пошлите нам побольше работников! Мир на церковь часто смотрит вот так, потребительски. Вот, допустим, мы не можем решить какие-то проблемы в армии, дедовщину, — так, может быть, какие-то священники придут и нам помогут? Но дело не в том, что в церкви должно быть больше социальной активности, больше каритативных учреждений или еще чего-то такого. Главное и единственное, что может сделать церковь, — это принести вот это эсхатологическое свидетельство, свидетельство надежды, — о победе, победившей мир. Своей неподвластностью миру сему церковь должна свидетельствовать, что есть нечто большее, чем мир.

Подлинное духовное движение — это эсхатологическое свидетельство для церкви. Это очень важно! Мы говорим: дар Духа, харизма и т.д. Но дар Духа и харизма — это эсхатологические явления! И христианское служение может быть только эсхатологическим явлением. Любое служение! Если мы, например, хотим, чтобы в церкви был реальный христианский брак — он должен быть эсхатологическим явлением и свидетельством, иначе он будет реальностью мира сего и свидетельством мира сего. Здесь нет других вариантов, нельзя сидеть на двух стульях. Т.е. либо он будет полностью прозрачен для Духа

Святого — это полная устремленность к Отцу в браке, либо это будет жизнь в свое удовольствие, для себя. И это касается всех сторон жизни. Можно и духовную жизнь вести для себя, ничуть не хуже чем любую другую. Духовная жизнь может иметь совершенно эгоистические интересы, так же как брак или безбрачие. И безбрачие может иметь совершенно эгоистическую мотивацию. И молитва может иметь эгоистическую мотивацию. Неэгоистическая — это только когда не ради себя.

Проблема, конечно, не в том, что надо развоплощаться. Когда мы говорим, что нельзя жить в свое удовольствие, это не значит, что плохо то, что мы чему-то радуемся, это значит, что мы не имеем любви. Не жалеем людей, не сострадаем им. Если бы нам, действительно, было жалко людей, мы бы в свое удовольствие не жили, мы бы по Духу жили.

Понятно, что Господь утешает человека, дает ему какие-то радости, но человек ведь живет не ради собственного утешения! Тут есть масса проблем. И это касается очень многих сторон нашей жизни! Часто люди просто хотят в том числе и духовно удобно устроиться: чтобы все было "как у людей", но при этом еще и совесть была чиста, и плюс к этому еще и какое-то общение было христианское. Т.е. жить для себя и не мучиться. И ведь очень много людей и у нас в Содружестве к этому стремится!

Таким образом, в этой теме есть несколько главных нервов. Что прежде всего принципиально важно для Содружества? Чтобы родилось духовное движение, мы должны прочистить этот канал, забившийся плесенью, гнилью, всякой дрянью. Мы должны это очень хорошо понимать, чтобы тут не было никаких двусмысленностей.

Мы должны перестать рабствовать миру сему. Помочь себе и другим, нашей молодежи перестать рабствовать миру сему, перестать жить просто как часть мира сего.

Очень важно, что духовное движение — только эсхатологическое явление. Харизма — только эсхатологическое явление. Свобода — только эсхатологическое звание. Никакой другой свободы нет.

Важно все поставить в контекст движения, восхождения к Отцу. Вся молитва Церкви — к Отцу. Христос идет к Отцу, церковь идет к Отцу. Духовное движение должно закасаться церковь, чтобы церковь пошла к Отцу. Если мы говорим о покаянии, то покаяние ведет к Отцу. Адам этого не смог сделать, новый Адам это сделал. Он пошел к Отцу — и нас зовет. Как сказано в замечательном послании Игнатия Антиохийского к римлянам: "Живая вода журчит: иди к Отцу".

Материал подготовлен Владимиром ЯКУНЦЕВЫМ, Виктором КОТТОМ и Семеном ЗАЙДЕНБЕРГОМ

МИССИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ СВОБОДЫ

Св. Георгий. Икона. 12 в.

Тема семинара **Свято-Георгиевского и Христорождественского братств** «Христианская миссия как явление свободы в церкви и обществе» родилась в результате первых попыток братств миссионерствовать в современном российском обществе. Необходимость рехристианизации нашего общества стала уже общим местом. Это понимают многие представители и церкви, и общества. Но в Русской православной церкви пока не только нет развёрнутой миссии, но и не продумана до конца миссионерская концепция.

Прежде чем разрабатывать конкретные миссионерские программы, хотелось бы обсудить вопрос о том, как в наше сложное, полное противоречий время, достигнуть главной цели христианской миссии: освобождения человека от рабства миру сему. С другой стороны, без свободы невозможно миссионерствовать, невозможно призывать кого-то к свободе, будучи самому несвободным. Как преодолеть собственную несвободу? Можно ли преодолеть границы узко и неправильно понятой конфессиональности и объединить усилия христиан в миссионерском служении?

Именно поэтому в теме нашего семинара связаны между собой понятия свободы и христианской миссии. Для участия в семинаре приглашаются православные христиане, христиане других конфессий, а также все, кого интересует предлагаемая тема. В ходе семинара мы предлагаем обсудить следующие вопросы:

1. На какие вызовы современности должна отвечать христианская миссия? Что мешает миссионерствовать церкви в современных условиях?

2. Как христианская миссия помогает человеку обрести свободу (тому, к кому обращена миссия, и тому, кто миссионерствует)?

3. Что в миссионерской деятельности помогает объединению (сотрудничеству) христиан разных конфессий и деноминаций?

4. Какую миссию можно назвать успешной?

5. Каковы перспективы христианской миссии в современном обществе?

И быть может, именно христианская миссия сыграет одну из ведущих, а может быть, и главную роль в восстановлении разрушенной тоталитарным прошлым социальной структуры нашего общества. Христианская миссия — это вызов бездуховности современного общества, призыв к человеку прорваться сквозь узы своего одиночества. Но это и вызов церкви — утвердиться в своей Вере, Надежде и Любви, а значит, и Свободе.

Материал подготовлен Верой КАРУЛИНОЙ

ПУТЬ ПОКАЯНИЯ

Кифа: Какой будет тема круглого стола, который готовит ваше братство?

Владимир Коваль-Зайцев, председатель Свято-Петровского братства:

Она звучит так: «Покаяние — исторический долг или путь к свободе в церкви и обществе?»

Кифа: Почему вы выбрали именно эту тему?

Владимир Коваль-Зайцев: Мы ориентировались не только на братство, но и на тех людей, церковных и нецерковных, которых мы могли бы пригласить на этот круглый стол. Эта тема оказалась нам актуальной, потому что она открывает путь освящения и преобразования жизни. На наш взгляд, эта возможность недооценена в обществе. В церкви об этом в общем-то говорят много, но не так много делают. Когда мы обсуждали эту тему, мы вспоминали, что наша страна и наше общество не принесли покаяния за те страшные гонения и на церковь, и на весь народ, которые были в двадцатом веке. И если Германия принесла покаяние в нацизме и мы видим плоды этого покаяния,

Св. апостол Петр. Икона. 16 в.

то в нашем обществе есть только отдельные призывы к этому, отдельные высказывания пусть даже известных и замечательных людей, таких как А.И. Солженицын. В целом же в обществе эта тема замалчивается. И когда мы говорим о теме свободы в церкви и обществе, мы не можем обойти тему покаяния.

Юлия Балакишина, катехизатор: Сначала появилась интуиция, которая касалась того, что в нашем обществе не все нормально с покаянием. Тот процесс, который начался в 90-е годы и был ознаменован такими знаковыми для общества событиями, как публичное сожжение партийного билета или фильм Абуладзе "Покаяние", которому аплодировали стоя, дальнейшего разрешения не получил, что привело к негативным последствиям в нашем обществе в целом. Когда мы поехали в паломничество и столкнулись с реальностью жизни русской провинции, мы убедились в почти стопроцентной истинности наших интуиций. Мы увидели, что память о советской действительности и даже самых ужасных страницах советской истории, связанных с ГУЛАгом, с лагерями, забывается. Это не производит впечатления сознательной идеологической установки, хотя, может быть, и это имеет место, однако люди хотят забыть этот страшный опыт, вытеснить на периферию жизни, на периферию сознания. Людям кажется, что эта тема устарела, что эту больную, мучающую память хранить не надо. С другой стороны, и в жизни общества, и в жизни церкви су-

ществуют ценности, установки, модели поведения и пр., которые остались со времен советской власти. Они живут, процветают и не думают уступать места какому-то другому духу жизни.

Кифа: Какую проблему вы планируете поставить в центр обсуждения?

Владимир Коваль-Зайцев: Основная проблема — в разрыве между церковным и нецерковным сознанием, зачастую разделением этих сознаний. К сожалению, даже внутри церкви в понимании проблемы покаяния существует разделение. Многими верующими покаяние рассматривается сугубо индивидуализированно — как некий личный путь к Богу и все. А что такое покаяние общественное, как страна в целом может осознать свой грех, как каждый человек может войти в общее покаянное пространство и какие это может принести плоды не только для него лично, но и для всей страны — об этом размышлений очень мало, и они очень скромные, на мой взгляд. Очень сложно прийти к пониманию того, что грех, совершенный кем-то, не мной лично, может оказаться и моим в том числе. Это очень трудно, но без этого понимания мы ничего не сможем сделать.

Юлия Балакишина: Хотелось бы поговорить и о том, свершилось ли покаяние, и если нет, то почему? Каковы последствия того, что покаяния не произошло? Как каяться так, чтобы итогом покаяния была не безысходная депрессия? Может быть, стоит поднять круг вопросов, связанный с принципиальной возможностью покаяния не частного, не личного, а именно общенародного, соборного. Важно увидеть черты советского наследия и в нашей собственной жизни, и может быть, жизни всего нашего движения, подумать и как от этого освободиться.

Наше поколение — это поколение детей, отцы которых заняли позицию внутренней эмиграции. Помните характерное название книги А. Панченко: «Я эмигрировал в Древнюю Русь» или «позицию ниши», которую нашел для себя М. Пришвин? В результате мы являемся поколением людей, которое утратило и чувство ответственности за историю, и формы и способы выражения этой ответственности. Нам всем проще унаследовать позицию отцов — «уйти в нишу». Но впечатление такое, что если мы сейчас не покаемся, то ситуация для общества окажется тупиковой.

Хотелось бы всмотреться в русскую историю и найти в ней примеры покаяния, серьезно менявшего пути общества и церкви. Может быть, это коллизия Пушкин и декабристы; «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Авторская исповедь» Гоголя; сборники «Вехи» или «Наше поколение» и др.

Кифа: Какова итоговая цель вашего круглого стола? В каком случае вы будете считать, что стол удался?

Юлия Балакишина: Как раз если мы увидим это в себе и попытаемся понять, что значит выйти из внутренней эмиграции.

Владимир Коваль-Зайцев: Он удался в том случае, если присутствующие на нем, не только церковные, но и нецерковные люди, осознают, что покаяние — это не только исторический долг, но и путь к свободе. Что это не альтернатива, а единственно возможный путь, и этот путь не разделяет общество и церковь, а наоборот, открывает перспективы свободы и, значит, жизни. Церковный опыт на самом деле мог бы быть востребован обществом, если бы церковь его не присваивала исключительно себе. Открыть этот опыт, поделиться им, показать, что это не просто некая психология, а реальное изменение пути — думаю, это было бы плодом нашего круглого стола.

СВОБОДА И ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Святые новомученики и исповедники российские. Икона. 20 в.

Светлана Чукавина, председатель братства во имя новомучеников и исповедников российских:

Наше братство готовит круглый стол на тему, предварительное название которой — «Свобода и достоинство человека».

Мы думали, что раз уж у нашего братства есть такое имя, значит, нужно говорить об опыте новомучеников и исповедников. Но просто что-то рассказывать о них — это не совсем формат круглого стола или семинара, на котором предполагается живой разговор. Нам кажется очень важным, чтобы произошел именно такой живой обмен мнениями. И когда мы стали думать, на что мы можем опереться в опыте новомучеников, который мы только недавно стали изучать всерьез, мы поняли, что, если говорить о свободе в этом контексте, то самое удивительное в опыте новомучеников — то, что они могли оставаться свободными людьми, несмотря на внешнюю не только несвободу, но и настоящие узды. Мы стали думать, что еще было в них, о чем важно знать нам, и поняли, что это то, что они были действительно людьми, что они не потеряли человеческого образа, при том что многие люди в тюрьмах и лагерях его теряли, об этом есть свидетельства. Известно, что советский режим во многом был направлен именно на то, чтобы человек перестал быть человеком. А они смогли остаться людьми и не потерять человеческого достоинства. Так мы вышли на это слово.

Нам показалось, что это для нас очень важно. Эта тема важна сейчас и для общества. Если сравнивать нашу жизнь с жизнью 60-х, 70-х или 80-х, когда люди тоже в ситуации внешней несвободы умели оставаться людьми мыслящими, читающими, интересующимися всем, что творится в мире в области культуры, в области духовной, научной, то мы увидим, что сейчас люди живут по-другому. Общий уровень культуры жизни очень низок в нашей стране. Люди или уезжают, потому что не надеются осуществиться здесь, или сползают на уровень только материальной жизни, престижного отдыха, зарабатывания денег, карьеры и т.д. Непонятно, как сейчас человеку можно найти путь, как жизнь человека может быть осуществлена на подлинной глубине. Мы

надеемся пригласить людей — наших родных, знакомых, которым будет интересна эта тема. Когда мы стали думать о наших родных и близких, оказалось, что среди них много людей, которые потерялись сейчас в жизни. Умея критиковать то, что есть вокруг них, они не видят никакого позитива, не видят пути, который мог бы изменить ситуацию в стране. Нам кажется важным рассказать людям о том, что можно многое сделать, если изменится духовная ситуация в каждом человеке.

Тема о достоинстве человека — это тема антропологическая, напрямую связанная с образом и подобием Божиим в человеке, сыновством человека Богу и еще напрямую связанная с темой свободы, потому что свобода и достоинство — две стороны одной медали, которые никак нельзя разорвать.

Тем, кто хочет участвовать в круглом столе, мы предлагаем вместе с нами в качестве подготовки читать работы Бердяева и других авторов по антропологии, а также расшифровку беседы о. Георгия Кочеткова с Александром Гордоном «Антропология Христа» (ссылка на этот текст есть на сайте Свято-Филаретовского института). Сейчас мы ищем те острые вопросы, о которых хотелось бы поговорить.

Конечно, мы обязательно затронем проблему прав человека, потому что это та альтернатива достоинству, которую общество предлагает человеку. Мы хотим поговорить и о том, как человек может сохранить свою неприкосновенность, уникальность, т.е. именно достоинство, и как это соотносится с тем фундаментальным представлением о человеке, которое есть в традиции церкви.

Мы выбрали эту тему еще и потому, что проблема достоинства человека в церкви сейчас тоже стоит очень остро. У нас в церкви не всегда сегодня есть условия для того, чтобы человек, приходя в нее, свое достоинство обретал. Мы это знаем очень хорошо.

Кифа: Какова конечная цель этого семинара? В каком случае вы будете считать, что он удался?

Светлана Чукавина: Круглый стол удался, если мы найдем новый язык — не язык наших внутренних, внутрибратских разговоров, а язык, благодаря которому в обсуждение может включиться любой человек. Для нас это сейчас большая проблема — найти этот стиль, почувствовать, о чем с людьми можно разговаривать, не имея в виду только самих себя, свой опыт и свой собственный путь. Думаю, что это проблема не только нашего братства, но и других братств Содружества. Не случайно мы проводим именно конференцию — ее проблематика и стиль обсуждения должен быть открыт для всех людей, причем не только не входящих в наше братство, но и нецерковных. Думаю, если в какой-то мере это удастся, то и наш семинар тоже удался.

Конечно, первое, что в жизни человека восстанавливается одновременно с исходом из рабства греху, — это то, что он начинает ощущать прощение Божье, любовь Божью, общение с братьями и сестрами. У нас этот опыт у каждого есть, мы можем свидетельствовать о нем людям. Если мы сможем о нем рассказать так, чтобы это было адекватно, членораздельно, было духовным свидетельством, а не просто эмоциями, то это тоже будет удачей семинара.

ПОЧЕМУ Я ПРОТИВ ИДЕИ “НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ”?

Выступление О.А. Седаковой на Шестых Максимовских чтениях

После распада советского общества осталось рассыпанное, атомизированное население. Ничего общего, по мнению многих, совсем не осталось. Так не только страна, но и отдельный человек долго жить не может. Поэтому такое значение приобретает идея найти новое консолидирующее начало. К этим поискам относятся и дискуссии о национальной идее, время от времени вспыхивающие в среде интеллектуальной элиты.

Не так давно в Москве, в здании библиотеки-фонда «Русское зарубежье», прошла организованная редакцией журнала «Континент» конференция под названием: «Национальная идея — фантом, реальность, утопия, задача, средство, самоцель?»

Одним из наиболее интересных выступлений на этой встрече было выступление О.А. Седаковой.

Текст этого выступления и последовавшей за ним дискуссии мы и предлагаем читателю.

Я не только против идеи "национальной идеи" в любом ее виде, но и против идеи "идеи" вообще. В пространстве политики, во всяком случае. Я имею в виду совсем не платоновские идеи - и не гегелевские, хотя, кажется, именно у Гегеля и происходит переворот значения "идеи" от платоновских, по существу неприкосновенных для человека реальностей к чему-то по существу ухватываемому и орудийному. Это у Гегеля, познав "идею" чего-то (не "сущность", а "идею"), мы приобретаем возможность оперировать самой вещью через эту ее "идею". Но во всяком случае, извлекаются эти "идеи" еще из вещей. Бердяевская "русская идея" - это тоже еще не план и не проект, а опыт рефлексии наличного. Но "идеи" новейшие, те, которые принимаются как проект и обладают силой "менять историю" - это другое дело. Такие "идеи" вообще отодвигают реальное положение вещей. Не "идейная", не "идеологическая" действительность практически лишается при них всякого смысла и ценности. Ценность и реальность остаются за "идеями", ради которых отдают жизнь (свою, а чаще - чужие жизни), за "идеями", которые "воплощают в жизнь", за "идеями", которые "движут массами". Умственные вещи, волевые проекты, обладающие сверхценностью и якобы особой энергетикой, магическое целеполагание - вот чего ищут, как правило, когда говорят - в политике, подчеркну, - о поисках "идеи".

Однажды, когда я читала лекции по русской поэзии в одном американском университете, мне пришлось попытаться определить то особенное значение "идеи", которое, как мне казалось, свойственно только нашей традиции. Попробую пересказать это мое описание.

Прежде всего, "идея" - это не только не мысль, но она противоположна мысли. Потому что мысль - это живое, динамическое состояние. Если мысль сталкивается с сопротивлением предмета, который она мыслит, она меняется. Иначе это уже грязное мышление, wishful thinking. "Идея" же меняться не должна ни при каких обстоятельствах. "Идея" в принципе отменяет мысль как собеседование с предметом, как вопрос к нему и к себе. Далее. "Идею" часто путают также с верой. "Идейный человек" и "верующий человек" - это у нас слишком часто понималось как синонимы. Но "идея" в той же степени, что мысли, противоположна и вере. Ведь вера - тоже род общения со своим "предметом" (условно говоря) и, кроме того, род реального слушания того, во что она верит. Оттуда могут исходить такие пожела-

ния, что они заставляют менять и решения, и идеи, и поведение и все прочее. "Идея" же не говорит ни с чем и требует преданности себе именно в этой своей законченности и неподвижности, в своей императивности. "Идеи", как я говорила, требуется "воплощать в жизнь", на

выпали на мою жизнь, - время ухода "идей", время, когда знакомые люди, путчики в электричках, коллеги и т.п. как будто расколдовывались, с лиц спадали идеологические маски и можно было вдруг увидеть на месте закованного в идейную броню человека живое лицо,

общей идеологии давно не существовало. Да, к официозной идеологии, выраженной в нескольких формулах, которые раз по пять каждый гражданин изучал, начиная с первых классов школы, это общество относилось глубоко цинично. Но при этом оно было внутренне крайне связанным - тем же цинизмом, между прочим. Эту сплоченность общества с особой ясностью чувствовал человек, который был из него изгнан. Вот откуда, со стороны, было видно, насколько солидарно и внутренне сплочено это общество, насколько люди готовы всегда и вместе выступить против того, кто на "нас" не похож ("Народ-пограничник", как написал кто-то из тогдашних непубликуемых поэтов). Но на чем же основывалось это единство? Конечно, не на коммунистической идеологии: на некоем непрописанном "идейном чувстве" "нас" и "нашего". Описать конкретно, что входило в это "наше", - задача аналитического историка. Но что бы в него ни входило, оно рухнуло и оставило рассыпанное, атомизированное население. "Антиидеи" к бывшей "идее" "нас" стала "идея" крайнего, хулиганского индивидуализма (который представлялся "современным" и "западным"). Ничего общего как будто совсем не осталось. "Свое" человека совпало по существу с границами его кожи. Так не только страна, но и отдельный человек долго жить не может. Это противоречит даже его биологии, природе человека как зоополитикон. На месте этого зияния, разбегания и сужения существования до самых невзрачных занятий, вроде как урвать свою долю - и бежать с ней побыстрее и подальше, пока не отняли - на этом месте, где мы теперь оказались, и вырастает идея найти какое-то новое консолидирующее начало. И поскольку о естественных основаниях общежития здесь давно забыли, а "идейность" осталась в крови, в ментальности в нашей стране, все поиски опять приводят к "идее". Говорят ли о здешней самобытности и о Западе (неважно, неозападники или неославянофилы) - это опять не конкретный Запад, сложный и многообразный, а "идея" Запада (Запада потребительского, бездуховного и т.п.). Не конкретная страна Россия в ее сегодняшнем состоянии, а ее старая "идея". Это опять то, в чем нечего обсуждать, о чем не может быть диалога - ведь в мире "идей" пространства для разговоров нет. В этом отношении для меня "западная идея" и "русская идея" не сильно различаются. И то, и другое - два пространства бездумья и болтливой бессловесности.

Я вполне сознаю всю обоснованность поисков чего-то такого, что способно объединить людей, а отдельному существованию придать какое-то измерение, превышающее голую "приватность"¹. Чего-то такого, что научило бы нас солидарности (редкому у нас навыку, противоположному и бывшей опостылевшей "сплоченности", и новейшему "сверхиндивидуализму", - навыку, соединяющему в себе самостоятельность, самостояние отдельного человека, и взаимосвязь, взаимную ответственность людей друг за друга. Нужда в этом действительно крайне велика.

В.В. Биbihин цитирует старую повременную книгу: "Для хорошего ведения хозяйства нужно много разнообразных вещей, но самое главное это желание чтобы все было хорошо". "Такого простого желания, - продолжает Биbihин (в 1993 году), - сейчас делается все меньше"². "Чтобы все было хорошо" - это что-то другое, чем привычное противостояние "другим" или позирование перед взглядом дру-

Ге Н.Н. Что есть истина? Христос и Пилат. 1890 г.

самом же деле - отменять ими жизнь, если в ней эта дурость воплотиться не может. Отменять себя самого в качестве мыслящего и чувствующего существа уж во всяком случае "идейный человек" обязан. В этом находят его героизм и небывательскую высоту. Но "идея" этого рода, у которой такое страшное историческое прошлое в нашей стране, - это, на мой взгляд, не что иное как название страшной болезни, в которую входят добровольное самоослепление и насильственное ослепление других. "Идея" - это идол, требующий человеческих жертвоприношений. То, что "идеология" - не слишком хорошая вещь, все разумные люди вроде уже как-то договорились. Но что сама "идея" в этом ее характерном употреблении - опасная и болезненная вещь, никуда, кроме как в "идеологию", не ведущая, - вот это почему-то остается не установленным.

Я помню одно из немногих счастливых политических впечатлений, которые

живые глаза, живые реакции, живые вопросы о реальности. Это было для меня счастливейшее время, обнаружение живого на месте того, что почиталось безнадежно мертвым. Я боюсь, что то, к чему сейчас с самых разных сторон, и сверху, и снизу, тянутся люди в нашей стране, - это новая идейная кабала, новая маска, новое омертвление, которое называют "порядком". Поиски нового умственного призрака, требующего "беззаветной преданности" себе (помните "беззаветную преданность идеям Партии"?), желание скрыться под новой маской и вновь потерять человеческое лицо, вновь потерять право на мысль и непосредственное чувство происходящего.

Мне как свидетелю и участнику позднесоветской истории хотелось бы возразить одной важной высказанной на сегодняшнем заседании вещи: советское общество времен застоя, было сказано, связывали только развлекательные телепрограммы и прогнозы погоды; никакой

гого. Об этом уже давно пронизательно заметил Александр Исаевич Солженицын ("Как нам обустроить Россию"). Он выразил одно из важнейших осознаний многовекового опыта, когда написал, что стране нужно жить **для себя**, что многие беды российского государства происходили именно из-за того, что оно постоянно делало что-то **имея в виду других**, практикуя, психологическим языком, демонстративное поведение: "Мы вам (или: им всем) покажем!" Вся "русская идея" была построена таким образом, по контрасту с "другими", вся ее центральная и сверхценная идея "самобытности". Что касается самобытности, то обсуждать здесь просто нечего — кроме неточно употребленного слова "самобытный". "Самобытный" — значит имеющий источник собственного существования в себе самом. Даль приводит пример: "Самобытен только Бог". Здесь же имеется в виду не более чем своеобразие, своеобычность. Свообразие, безусловно, существует. Хочет человек или не хочет, хочет народ или не хочет, он им обладает, и это ни хорошо, ни плохо, и разумнее обдумывать что-нибудь другое: как со всем этим своеобразием желать того, чтобы все было хорошо, как устроить достойную человека жизнь.

Так вот, повторяюсь, "идея", которая близка к рационально построенному мифу или идолу, — это самое страшное и гибельное, к чему можно сейчас прийти, но к чему, увы, слишком многие готовы, потому что это сразу и надолго избавит от вечного вопроса "Что делать?" и освободит руки и властям, и "народу", позволив вновь ни за что лично не отвечать.

Программа Солженицына, который решительно выступает против "идей", как сам он говорит, — подхват старой шуваловской программы: "сбережение народа". Вероятно, лучше программы **для власти** не придумаешь. Хорошо, если власть будет беречь народ, чего она здесь делать отнюдь не привыкла. Но заметим все же: на каком языке мы говорим? Слова о сбережении народа были произнесены в эпоху крепостного права, когда народ действительно был абсолютно политически беспомощен и ничего лучше с ним нельзя было делать, как беречь, не мучить, не трогать. Но современный народ России разве тот же? Разве он не избирает свою власть, в отличие от времен графа Шувалова? И если он все же не вечное дитя при суровом или же снисходительном отце, то какова же тогда программа **для народа**? Для нас, иначе говоря? Если продолжить мысль Солженицына самым простым образом: властям вменяется сбережение народа, народу — сбережение друг друга, в том числе и от власти. Солидарность, без которой невозможно не только выживание, но и жизнь. Излечение от недоверия друг другу, которым всегда пользуется "чужая власть". От недоверия к миру, в котором ничего хорошего как будто и быть не может.

О. Вениамин (Новик): Мне хотелось бы выступить немножко в защиту идеи, как бы нам тут вместе с водой не выплеснуть и младенца. Да, в мышлении есть динамика и статика, эта статика называется идеями. Но совсем без идей тоже нельзя. Есть качество идей. Не стоит бояться идей как идей. Идеи тоже бывают разные. Например, у Бердяева есть работа "Об отношении русских к идее". Он там говорит, что русские вообще не воспринимают почти никаких идей. Получается какой-то парадокс. С одной стороны, мы все страшно идеологизированы, а с другой стороны, мы как бы вообще идей не воспринимаем. Как это совместить?

О. Сedaкова: Я думаю, что у Бердяева в этом, как и во многих других вещах, простой последовательности нет. Я думаю, он имеет в виду приблизительно то, о чем не раз писал Пушкин: о лени и нелюбопытстве, о неуважении к тому, что с утилитарной точки зрения представляется "отвлеченным" и "бесполезным". О недоверии к бескорыстной, самоценной умственной работе, об определенной умственной инертности и косности, которая для России, увы, очень характерна. Помните цветаевское — о Пушкине, кстати:

*Преодоленье
Косности русской.*

С этим нежеланием предаваться ум-

ственному движению (ибо где еще могут обругать "слишком умным" и в любом таком "слишком умном" сразу же заподозрить "несвоего", "нерусского"?) готовность к "идеям" и "идеологизму" связана самым прямым образом. Недаром у народов, которые традиционно признаются здесь "умными", у англичан, скажем, опасность идеологизма минимальна.

Вопрос из зала: Хочу предложить сместиться в другую область — в физику. Макс Планк предложил идею квантов. Гелл-Манн предложил идею кварков. Обе идеи прекрасно работают в физике и до следующей революции в этой науке будут работать. Вопрос мой вот в чем. Правильно ли я Вас понял, что когда нынешняя власть говорит: "Дайте нам идею", на самом деле за этими словами скрывается другая просьба: "Помогите нам выстроить миф, с помощью которого мы будем улавливать души других людей, править ими так, как мы, временщики, хотим еще десять, двадцать лет, сколько на наш век хватит". Так?

О. Сedaкова: Да, на самом деле у слова "идея" множество смыслов. Есть не только такой, как Вы привели, — научная гипотеза, теоретическая посылка, догадка, но и бытовая: "У меня идея поехать за город". То есть, некоторый план, желание, предложение. Об этих значениях я не говорю. О них не говорят и те, кто ищет "национальной идеи". Те, кто обсуждает "национальную идею", имеют в виду, конечно, нечто вроде конструирования мифа, мобилизующего, приводящего все население в состояние военной мобилизации. Это рецепт, необсуждаемый приказ и миф вместе — то, что называется здесь "идеей".

Дмитрий Гасак: Скажите, пожалуйста, современное российское общество обладает ли тем качеством "мы", о котором Вы говорили относительно общества позднесоветского и чем это "мы" можно охарактеризовать?

О. Сedaкова: Очевидно, это "мы" сильно раскололось за прошедшие годы. Часть населения (как ни странно, не только старшая часть) осталась с тем же самочувствием "мы", оно не может порвать с прошлым. И как раз ему в угоду, принимая его, вероятно, за основную силу страны, пытаются построить новую общую непротиворечивую историю, в которой беспроblemно уживаются монархизм, сталинизм, православие и т.п. Все это теперь "наша общая история". Вот попытка — новый праздник 4 ноября. Но демонстрации, где рядом несут хоругви, портреты Ленина, Гитлера и так далее — все-таки это слишком безумно.... Да, старому "мы" нужна мифогенная реальность. Но другая часть общества уже совсем не такая, молодежь по большей части не такая, образованные слои совсем не такие. Но по-настоящему актуальное состояние населения может описать нам практикующий социолог.

Еще одно замечание по поводу темы, не раз возникавшей и на нашей конференции, да и повсюду теперь возникающей: темы какого-то небывалого морального падения в новые либеральные времена. Мне эти панические рассуждения о всеобщем падении нравов кажутся непристойно преувеличенными. С какой высотой все это сравнивается? как будто б до этого, в советские времена, мы жили в институте благородных девиц. Тот род аморальности, который практиковался в советское время, мне лично представляется куда более гнусным, и к новому он относится приблизительно как душевная проституция к телесной (не говоря о том, что и телесной тогда хватало). Но об этом не говорят. Давно не говорят о том, что всему этому прошлому (коммунистическому прошлому) должно быть вынесено окончательное определение. "Об этом хватит!" — так думают и говорят почти все. И сам Солженицын, говоривший — как о первой необходимости для движения вперед — о необходимости исторического покаяния, давно перестал об этом вспоминать. Но без этого решительного подведения итогов ближайшей истории, без очищения "желания, чтобы все было хорошо" не возникнет.

Р. Гальцева: Ольга Александровна, Вы понимаете, что Вы производите философ-

скую революцию, что Вы законное, давнее, основополагающее понятие идеи ликвидируете? Вы понимаете, что Вы тем самым ставите человека в положение чистого сенсорного вещества?

О. Сedaкова: Нет. Не понимаю.

Вопрос из зала: Вы представили идею как какую-то мифологему, которая мобилизует общество сверху. Скажите, то, что идея не нужна, означает, что общество не должно быть мобилизовано в принципе? Это первое. И второе. Не думаете ли Вы, что возможен иной тип идей, и если все-таки общество должно быть мобилизовано, то идеей может быть, например, согласие относительно каких-то общих ценностей, как это, скажем, в протестантизме было. Тогда общество соединяется внутренней идеей, изнутри.

О. Сedaкова: Да, вот об этом я и хотела бы сказать, но ограничилась только отрицательной стороной: предостережением, чтобы это необходимое основание для объединения людей, для настоящей солидарности современников и соотечественников не подменили очередной "идеей", из тех, что спускаются в массы сверху, по марксистскому учению, и "движут ими".

Вопрос из зала: Если я правильно поняла, общество должно беречь себя, а власть — заниматься бережением общества. Но какой мотив может побудить власть беречь общество, беречь народ?

О. Сedaкова: Вообще-то, я думаю, сама природа вещей. Если власть не просто иноприродна своему населению, но ведет с ним необъявленную войну, как это было у нас, тогда ей нужны какие-то мотивации для того, чтобы не всех угробить. Если же это *своя* власть, ее не надо этому учить. В противном случае она просто не удержится.

Вопрос из зала: Как вы относитесь к формуле, выкованной Александром Мелиховым, что национальная история, национальная идеология — это набор вдохновляющего вранья?

О. Сedaкова: Я не знаю, к сожалению, этого автора и потому к его формуле никак относиться не могу. Пожалуй, я кончу тем, с чего начала. После того, как я старательно пыталась объяснить моим американским слушателям специфику наших "идей", они мне ответили: "Да что Вы, нам это прекрасно известно. Мы сами идейные люди. Просто "идеи" у нас другие: например, борьба с холестерином, с курением. Тот, кто решит, что эти кампании практичны или прагматичны, не понимает Америки: борьба с холестерином — это большая идея, почти религия. Как все "идеи", и эта имеет целью окончательную победу над мировым злом".

1. Вот некоторые из взывающих к этому моментов:
 1. Прежняя идентичность рухнула, новая - за такое долгое время - так и не найдена. Кто такие "мы" вместе? Противопоставлены ли новые "мы", как прежние, советские, всему другому миру - или составляем его часть? Необходимость какого-то минимального самоопределения.
 2. Раздробленность населения превзошла какую-то "естественную" норму. Какое "общее дело", общее чувство может соединить жителей страны? Какой магнит может привлечь к себе размагниченное существование?
 3. Что делать с нашей историей? Есть ли в ней какая-то связность? Как увязать два прошлых, второе из которых было тотальным отрицанием первого - но чем дальше, тем меньше это склонны принимать...
 4. В жизни отдельного человека очевидна пропажа "общего будущего", какого-то объекта служения, оправдывающего частное существование, которое в нашей традиции не приобрело автономной ценности.
2. В.В. Библихин. Слово и событие. М., УРСС, 2001. С. 21.

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО- ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

Лицензия Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки N 2632 от 5 мая 2004 г.; лицензия Отдела религиозного образования и катехизации Московского патриархата N 04-1053-5 от 5 апреля 2004 г.

Объявляет прием студентов на 2006/7 учебный год

* На дневное, вечернее и заочное отделения бакалавриата

Вступительные экзамены
4 сентября — письменный экзамен

6 сентября — устный экзамен
6 и 7 сентября — собеседование

Прием документов
в канцелярии СФИ с 1 августа по 2 сентября
(понедельник — пятница с 10.00 до 19.00)

* На вечернее и заочное отделения Богословского колледжа при СФИ

Вступительные экзамены:
5 сентября — изложение
7 и 8 сентября — устный экзамен
9 сентября — собеседование

Прием документов
в Богословском колледже при Свято-Филаретовском институте:
с 1 августа по 5 сентября
(понедельник — пятница с 10.00 до 18.00)

* На вечернее и заочное отделения факультета дополнительного профессионального образования по религиоведению (обучение платное)

Зачисление происходит на конкурсной основе по итогам тестирования и собеседования, которое состоится 3 сентября в 15.00 в помещении СФИ

Координаты института:
105062, Москва,
ул. Покровка, д. 29, офис 38;
Тел/факс (495) 623-03-80, 625-77-86
e-mail: institute@sfi.ru
Homepage: <http://www.sfi.ru>

Дорогие читатели!

Продолжается подписка на газету «Кифа» на второе полугодие (подробности на сайте: www.gazetakifa.ru)
Нашу газету можно приобрести в США и Канаде (подробности на сайте: www.xristos.org/kifa)

Соловки гораздо ближе к нам, чем мы думаем. Знакомые с детства шутки вроде: «Баня, а через дорогу раздевалка», — всего лишь сообщение о конкретном факте из жизни Соловецких островов в XX веке. Так же, как и ироническое замечание: «Да что ты понимаешь в колбасных обрезках?» для тех, кто пережил Ленинградскую блокаду.

«Остров князя Гвидона». Эта часто встречающаяся применительно к Соловкам метафора довольно точно передает первое впечатление от выступающих из вод Белого моря стен Соловецкого кремля. Пушкин здесь никогда не был. Но ему удалось создать образ идеального острова, острова-мечты, черты которого угадываются в этом «участке суши, со всех сторон окруженном водой».

Место действительно сказочное. И по красоте, и по климатическим условиям. Земная кора под Соловками несколько тоньше, чем в других местах Приполярья. Поэтому на архипелаге необычайно теплая для этих широт зима. Летом, в солнечную погоду, лица людей моментально покрываются характерным красноватым загаром.

«Сегодня — в Соловках, завтра — в России!». Это присловье подтверждалось в истории много раз. Здесь, похоже, утончается не только земной покров, но и завеса, отделяющая прошлое от будущего.

Основанная в XV веке искавшими уединения иноками Соловецкая обитель уже через сто лет становится мощной крепостью и тюрьмой. Так что выражение «подвести под монастырь» имеет к ней тоже самое непосредственное отношение.

В период расцвета «стяжательства» на островах под руководством св. Филиппа (Колычева) создается уникальное соловецкое хозяйство (каменное строительство, система каналов и т.п.).

В XVII веке соловецкие монахи-старообрядцы оказали открытое вооруженное сопротивление царским войскам. На стороне бунтовщиков сражались сотни беглых крепостных, бывшие разинцы. Не Соловки ли были реальным прообразом знаменитого «острова Буяна», местом воплощения вечной мужицкой мечты о воле?

Здесь в августе 1702 года готовил одну из важнейших кампаний Великой Северной войны Петр I. С Заяцкого острова на Соловках он выступил в поход, который закончился на Заячьем острове в устье Невы.

В Соловках после разрушения Запорожской Сечи Григорием Потемкиным в 1776 году окончил свои дни последний атаман Сечи Петр Кальнишевский.

В середине XIX века сюда были сосланы и некоторые декабристы.

Тюрьма была закрыта лишь в либеральное первое десятилетие XX века, чтобы всего через 20 лет возобновиться, но уже как концентрационный лагерь, «северный Освенцим». В 1939 году острова передаются военным, изуродовавшим их линиями обороны военными городками и взлетными полосами.

А во времена хрущевской «оттепели», после сокращения армии, когда гражданские люди-«шестидесятники» впервые за долгое время проникли на остров, начинается процесс собирания утраченных ценностей. Созданный усилиями энтузиастов заштатный филиал областного краеведческого музея постепенно преобразуется в музей федерального значения, в градообразующее для Соловков предприятие.

И наконец, в 1990 году затеплили лампаду первые насельники возобновленной Соловецкой обители.

Сейчас на архипелаге две «соловецких власти»: музей и монастырь. Нашей группе паломников из питерского Свято-Петровского православного братства удалось встретиться с их неформальными лидерами — духовником монастыря о. Германом и исследователем истории Соловков Юрием Бродским.

Жители островов — это особый разговор. Среди сколько-нибудь заметных встреч не было ни одной неинтересной. Все люди по-своему замечательны, целостны, все пришли на острова в поисках неутилитарных ценностей. Но все находятся в довольно натянутых отношениях друг с другом, будучи так или иначе втянутыми в противостояние между монастырским и музейным ведомствами.

Удивительное дело, в соседней Финляндии ярких людей гораздо меньше. Но они не мучают друг друга как в России. Почему-то нет такого жесткого противостояния ведомств или оно не имеет заметного влияния на судьбы людей. Но есть настоящая солидар-

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОЛОВКИ

В лагере ходили слухи, что с Секирной горы охранники спускали заключенных по этой лестнице, привязав к бревну — балану. Внизу уже был окровавленный труп, который и узнать было трудно. Там же, под горой, сразу и закапывали в яму.

Д. Лихачев

ность всего народа. Может быть, мы что-то упустили именно в организации системы общественных отношений?

Юрий Аркадьевич Бродский буквально ввел нас в память о СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения). Сначала — познакомив со свидетельствами многих и многих узников. Особое Назначение — это значит, что лагерь предназначался для «возможных врагов Советской власти». Духовенство, военные, юристы, крестьяне. Вот те, кто прежде всего «мешал строительству новой жизни».

Затем мы посетили экспозицию, подготовленную им. Над входом красуется транспарант «Железной рукой загоним человечество в счастье». Со стен на нас смотрят лица узников СЛОНа. Десятки фотопортретов. Какие лица! Офицеры (подобные лица можно найти лишь на картинах Военной галереи Зимнего дворца), ученые, писатели, актеры... Исключительно редко встречающийся в современной России антропологический тип русского человека. Люди, которых чекисты, похоже, выбирали просто «по глазам», такие лица всегда выделяются в толпе. И их-то, в первую очередь, приговаривали к разным срокам «особого назначения».

Вершиной нашего паломничества в прямом и переносном смысле стало посещение Секирной горы. Мы прошли своими ногами по дороге, по которой кому-то довелось пройти только один раз. Мы постояли на том месте, где их расстреливали. Мы видели места массового захоронения.

В храме Вознесения Господня на Секирной горе, где размещался карцер, идут реставрационные рабо-

ты. Восстанавливается монастырский скит. Скоро доступ туда закроют для «посторонних». На второй этаж уже не пройти. В какой-то момент наш провожатый осекся: «Извините, что-то сегодня я не в форме...» Мы предложили помолиться. Юрий Аркадьевич взялся согласовать это предложение с ангелоподобным монахом, следившим за порядком. Инок, подробно выспросив, кто мы и откуда, дал разрешение.

Спели «Вечную память»... Так тяжело было молиться только в Освенциме, непосредственно на месте уничтожения людей. Тогда наш экскурсовод Ула сказала нам: «Вы первая русская группа, посетившая Освенцим, которая молится». Что-то похожее произошло и на Соловках. Руководитель заходившей за нами группы паломников важно осведомился: «А кто благословлял-то?» Монахи не служат панихид по убиенным на Соловках и не поминают их в ектеньях на литургии...

С отцом Германом, духовником монастыря, мы говорили на просторном гульбище Преображенского собора. Он сейчас восстановлен практически полностью. Ничто уже не напоминает о бывшем здесь лагере. «Научная реставрация» памятников уничтожила чуждые архитектуре XVI века двойные тюремные решетки и шиты-«намордники» на окнах. Сбиты или затерты надписи на стенах бывших камер. Алтарь отделяет от остального храма огромный новодельный иконостас «под» XVI век.

Батюшка смиренный, любезный, ни разу за всю встречу (1,5 часа) не повысил голос, говорил ровно, не терял мирного духа. Возрождение монашеской жизни началось 16 лет назад, когда он вдвоем еще с одним монахом поселился в небольшом помещении в стене, где сейчас находится монастырская лавка. Внизу под их кельей был танцзал, где каждый вечер грохотала дискотека.

Сейчас уже не то. Братия выросла до 30 человек, плюс столько же послушников. В ведение монашеских передана значительная часть монастырских построек: Северный дворик, храм свт. Николая Чудотворца и др. Дискотека давно закрыта. Администрация поселка согласовывает с монастырем репертуар фильмов в местном кинотеатре. И вообще старается во всем идти навстречу монастырю. Большинство островитян это не по вкусу, но изменить они ничего не могут.

По мнению о. Германа, лучшая память погибшим — это восстановленный монастырь. Хотя батюшка предпочитает не торопиться с восстановлением стен. Главное — молитва. За каждой проскомидией вынимается частичка о всех православных христианах, погибших на Соловках. А стены пусть пока восстанавливает музей. «Нам это выгодно». Наверное, наступит время, когда православный царь железной рукой отсечет остров от мирской суеты, но пока инокам подобает молиться, довольствуясь тем, что есть.

«Сегодня — в Соловках, завтра — в России». Мы не раз еще вспомнили это выражение на обратном пути. Так, в одном провинциальном городе мы встретились с местной интеллигенцией. Это вызвало нарекания со стороны одного из городских священнослужителей. «За всю духовную жизнь в городе отвечаю я», — заявил он. Поэтому мы должны были, по его мнению, прежде всего испросить у него благословение на встречу с друзьями.

Между прочим, батюшка попенял нам на то, что мы отвлекаем занятых людей от важных дел малочисленными эмоциональными разговорами об ужасах СЛОНа. В качестве такого дела он имел в виду, прежде всего, престольный праздник своего храма. Кульминацией этого события был концерт детских творческих коллективов, начавшийся с исполнения гимна Советского Союза (нет, кажется, России, но музыка точно Александрова и очень незначительно переделанные стихи Михалкова — лишь слово «партия», когда-то, после осуждения культа личности, заменившее слово «Сталин», теперь в свою очередь заменено словом «Бог»).

Наверное, не стоило бы особо заострять на этом внимание. Мало ли какие бывают батюшки. Тем более, что среди его собратьев по служению в том же городе не все разделяют его амбиции. Печалит только то, что все горожане, с которыми мы общались, действительно признавали именно за ним духовную власть в городе.

Александр БУРОВ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Главный редактор:
Колымагина А.В.
Зам. гл. редактора:
Буров А.А.

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:
Владимир Лидский Анастасия Наконечная
Дмитрий Матвеев Елена Шевелева

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 19 июля 2006 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 22 июля 2006 г.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Ру-

домино (ул. Никольямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9).

Телефоны распространителей:
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Тверь: 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)